

Искусство историки, или сочинение о природе историки и истории, с рекомендациями, как писать историю, - общие размышления

Фоссий Г.Й.

Аннотация: Предлагаемый текст - продолжение перевода книги голландского богослова, историка и филолога Г.Й. Фоссия «Искусство историки», начатого в №№23-24 «Vox». В пятой главе Фоссий переходит от рассказа об основных причинах, создающих историю к описанию её оформления. Он сообщает о том, какие обстоятельства могут засвидетельствовать обозначенный ход событий. Выявляется роль философских обобщений в этом оформлении. Приводятся примеры использования веры людей в историческую последовательность для осуществления определённых планов. В шестой главе рассматривается отчленение исторического времени от мифологического. Клио перенимает у истории способ взаимного подтверждения элементов, её составляющих. В свою очередь исторический подход может служить способом припоминания полузабытых событий, их возможного удостоверения, как об этом писал Геродот (см. гл. 5).

Ключевые слова: Всеобщее и отдельное, общие причины, частные предпосылки, историческая предметность

Перевод с латинского и комментарии *Лаврентьева Всеволода Серафимовича*
lavrsv4@gmail.com

Перевод выполнен по изданию: Gerardi Johanis Vossii Arshistorica sive de historiae et historices natura historia que scribende praeceptis commentatio. Amstelodami Ex Typographie P. et J. Blaev, prostant apud Jansonio Waesbergius a someren et Goethals MDCLXXXIX // G. J. Vossius. Opere. V. 4. P. 1 – 48.

Глава пятая.

О конце истории и его последствиях Суждения Лукиана о Страбоне как расхожее представление. История, не изложенная письменно, не может передаваться далее.. Правильная и добродетельная жизнь достойна полного описания о ней надо говорить размеренно и взвешенно. Настоящая история не избегает обращения к философским примерам. Больше ли отвечает такое обращение добрым побуждениям души Примеры о реальных личностях более действенны, чем описание добродетелей вымышленных. Доводы против утверждения, что можно не обращаться к примерам из древней истории, если души настроены на философский лад.

От внутренних предпосылок мы переходим к итогу. Не из отдельных случайностей берутся признаки субъекта, в дальнейшем они становятся действенной причиной происходящего и из наличных превращаются в объективные. Древние

авторы писали об этом по-разному: Лукиан в «Книге о написании истории» полагает, что конец истории это полезное прояснение: слишком уж много вариантов того, что может произойти. Между тем, верно: это не то, что доставляет радость жизни, это итог, а не сущность. Страбон (кн 1) даёт краткое изложение данного положения: истина не в окончании, а в необходимости создания - и здесь главный опознавательный знак истории; Туллий утверждает, что иногда историю рассматривают как некую последовательность отдельных душ. При таком различии, и при таком постоянном состязании конец истории в принципе возможен и тогда различаются её плоды, развёртываемые во всём их многообразии. И только тогда возможна история, данная в целом и ясная в своих переходах и связях. Воздействие истории может быть первичным и вторичным. Первичное - различие всеобщности и особенности её как предмета. Этот вопрос имеет две стороны. Во-первых, он позволяет надёжно закрепить то, что остаётся в воспоминаниях (все их отдельные моменты, запечатленные в каком-либо произведении) - тогда для предмета менее необходимы произведения, передаваемые непосредственно; они могут передаваться от человека к человеку. Это не подходит для благоприятного распространения истории (так передаются только отдельные заходы и то, что непосредственно знает человек). Перед нами настоящая история частных - то, что действительно окончательно и закрепилось в памяти. Здесь важно осознать то, что в истории ещё не раскрыто, а не то, что и так на первом плане.

Таким образом, эта последующая истина, осознаваемая не сразу. Она честно представлена четверостишьем Горация (кн. 4, ода 9): «Многажды веселился и праздновал Агамемнон – и был он безжалостным. Упёртым, невежественным и глухим к предсказаниям мудрецов и советников».

И Геродот Галикарнасский не сомневается в предсказующей силе истории следующих изречений: ничто из свершённого людьми (сколько бы времен ни прошло) не забывается окончательно. Многие примечательные и достославные дела, совершённые греками и варварами, недостоверны». С ним в основном согласен Плиний (кн. 5, посл. 8 письмо к Капитонию или же Тациту): «Мне (с этой позиции) виднее, как лучше всего должна быть преподнесена история данного века, чтобы в таком представлении ничего не разрушилось». Впрочем, лучше всех высказался по этому поводу Цицерон: «История – это испытание времён, свет разума, воспоминания о жизни, и вестник, напоминающий о бренности».

Другой же аспект этой связи показывает всеобщие предпосылки единичного, что оправдывает его. Явления даются в их множественности, обозревается их причинность. Здесь тоже удаётся уловить вполне конкретные представления – при сквозном рассмотрении жизней, устремлённых в своём опыте к добродетели. Об этом пишет Афранус¹ в обращении к гражданину по имени Селлию (кн. 13, гл. 8).

«Всё исходит от тебя, мать воспоминаний: мудрость сообщает мне привлекательность и разумность».

Итак, нужна не только гражданская добродетель, но и искусность разума, умение осмысливать. Об этом пишет почтеннейший Помпонацци² в книге «Воплощения»: « Без истории невозможно определить и естественную историю» (гл. 10, с. 121, а также т. 12, с. 206): «Философия в общем и целом определяется исходя из противоположности естественному действию. Иначе не может быть ни в целом, ни в отдельных проявлениях (такого понимание *последовательности* у Аристотеля).

1 Афранус Флавий (245 - 292?) - римский консул.

2 Помпонацци Пьетро (1462 - 1525) - итальянский философ, толкователь Аристотеля и Аверроэса.

Помимо этой множественности редко что-либо свершается. При помощи историки и поверяется история как произведение.

Отдельные же действия по-разному выглядят в различных дисциплинах. Тому есть достаточно свидетельств в логике и риторике и других подобных предметах. Их завершением стало *устроение*, принятое в физике и арифметике и иных предметах связанных с метафизикой, которой как раз не хватает диалектичности в отдельных жизненных примерах. Или же завершение поверяется практикой конкретных дисциплин: этики, политики, экономики, где главное - внешняя активность, или же богословия и права, где главное — сущность, а так же в искусствах, музыке, поэзии, архитектонике – где действие вытекает из внутреннего расположения.

Но в первую очередь их истинность проявляется в этике и в политике, причём в трёх различных смыслах. Во-первых, это научение доблести, которое дано в самом проявлении. Многочисленные примеры добродетели и порока акцентируют и предостерегают. При этом добродетели превозносятся, восхваляются женщины, обладающие ими. У Ливия есть такое определение истории: «Познание исторического предмета будет плодотворным, если каждый отдельный документ подтверждает выстроенную систему знаний. Каков ты есть, таково и государство. Подражая ему, ты утверждаешь только себя; если зародыш разовьётся, значит, он был живым» В том же духе пишет Полибий: «История –это институт, проводящий через себя истину как дело граждан, причём (в течение длительного времени)». Ему возражает Филон Еврей³, приводя в пример Каина и Авеля. «Полезно не стремиться к полноте добродетели (как это делали издавна в неустанной заботе о государстве), к подвигам, не следовать прямо предкам, в том числе Огигии⁴, сколь бы великолепными ни были их дела. Используя весь сонм историков и поэтов, чтобы согласно этим воспоминаниям в дальнейшем управлять государством». Славные дела представлены также в *Учительных наставлениях* LVI к сыну Льву императора Василия⁵: он пишет: «Не будем избегать путей древних историков они легко рассматривают то, на что иные тратят бездну сил (на почитание доблести, осуждение выявленных пороков, многочисленных линий человеческой жизни и событий, к которым они обращаются). Они учат, что мир непостоянен, империи клонятся к упадку. Несчастья зачастую впоследствии вознаграждаются благими законами, Поэтому надо избегать суровости, порождаемой мщением, но стойко переносить последствия того и другого, чтобы представлять всё, что из этого может произойти». История вдохновляет благородные души. Так, Фемистокл отмечает превосходство Мильтиада⁶, который этого ему вовсе не позволял. Нужно не только судить о проявленных доблестях, нужно избегать обличения свершившихся злодеяний. Великолепный Тацит пишет в Третьей книге *Анналов*: «Предварительно пишущие анналы должны видеть происходящее — не утверждать доблести, но говорить в первую очередь о действительно произошедшем и его последствиях, а также избегать клеветы». При этом надо стараться избегать тирании Показательна негодование, высказанное в жалобе Тиберию в начале его письма (Светоний к Тиберию, послание 67): «Что значат ваши сочинения и само их появление для вечно изменчивого времени? Лучше потерять с вами, боги, чем всё равно потерять в старости». Причина этого в том, что при смерти смешиваются чистые сущности (Светоний к Нерону, гл. 37: «Смерть смешивает стихии — огонь и воду»), и

3 Филон Еврей (Филон Александрийский) (25 до н.э. – 50 н.э.) - эллинистический философ, пытавшийся соединить наследия греческой философии и Ветхого Завета.

4 Огигия — в греческой мифологии дочь Зевса и Эвриомы, дочери Океана.

5 Василий (Македонский) (836-886) - византийский император.

6 Мильтиад (Младший) (550- 489 до н.э.) - афинский государственный деятель и полководец эпохи греко- персидсктх войн.

добавляет: «и выси небесные».

Против такого взгляда выступает Плиний (кн 5. письмо 8): «Предосудительно, - пишет он, - пытаться подправить воспоминания. Ведь речь идёт не об отдельной смерти, но о всеобщей гибели под тяжестью общих прегрешений. Но всё же, чего стесняться отдельных моментов, если не видишь, чего стесняться в целом». Так пишет Плиний. (кн 9, посл. 27 «К Латеранам»). Сходные суждения высказывает Бодэн в «Республике» (кн 2, гл 4).

Прохождение исторической нити через мировые пожары трудно обсуждать, - так мыслит Марк Цицерон («Вторая филиппика», кн. 44) с его критическими замечаниями). Фразибул⁷ также говорит о своеобразной *амнезии* («Забвение всего неправомерного, что произошло») см. у Валерия Максима (Соч, т.4, гл 1)⁸. Плутарх в «Предпосылках политики» говорит, что не надо быть злопамятным (Речь Эсхина⁹ против умозаключений Ктесиппа¹⁰), что было поддержано и римским сенатом. Следует ли из этого, что в военных делах надо только радоваться далеко идущим планам властителей, как советует Полиенус?¹¹: в речах Исократ¹² - в том числе его рекомендации при всей добросовестности быть осторожным, устранять опасности так, чтобы клеветник уничтожил себя сам. Корнифиций¹³ говорит в «Риторике для Геренния», «О наилучшем представлении отдельных характеров», гл 4: «Стародавние дела империи не должны рассматриваться каждое по отдельности – это верный путь к заблуждениям». Те, кто понял, что речь идёт об иных обстоятельствах, могут и предвидеть совсем другое». О подобном конкретном применении исторических описаний напоминает Дион¹⁴, который среди прочего, говорит как бы со стороны: «Если появляется много новых явлений, которые свершаются извне, правильной будет приблизить всё это к себе и уже потом продумать, что можно с ними делать и сколько их всего в целом».

Такое обозрение как раз вполне добросовестно, и есть законное произведение истории, которое либо в положительном следовании ему, либо в возражениях относительно частных частей может быть представлено публике. Добродетель требует обозрения всего сделанного, как об этом писали греки, устремлённость на объект, распределения содержания по разным плоскостям, как об этом писали перипатетики. Исходя из этих различий, можно выделить чистую добродетель, противоположную ей порочную превратность, которую греки называли коварством (Полибий). От него отличается некое действие как положительное изменение (его же), связанное с определённым временем календаря И этой несомненной политике как рациональному действию, которое, конечно делает иное, нежели просто нечто провозглашает, можно обучать, как об этом говорит Кир в «Наставлении» Ксенофонта¹⁵. Таким образом рождается питомец истории, который далее учит других божественному. И неважно, представляется ли это как трагедия или комедия – он предпринимает настоящее, предсказывает будущее. Поэтому историю не слишком затмевают вторичные построения –

7 Фразибул - тиран в Милете в VII — VI вв до н.э.

8 Валерий Максим (I в. н. э.). - афинский писатель, собиратель устных историй.

9 Эсхин (389 - 314 до н.э.) - афинский государственный деятель, оратор.

10 Ктесипп - один из собеседников Сократа.

11 Полиенус - македонский писатель II в., автор «Стратегем».

12 Исократ (426 - 338 до н.э.) - знаменитый афинский оратор.

13 Корнифиций - римский писатель I в до н.э.

14 Дион - видный политик в Сиракузах IV в до н.э.

15 Ксенофонт (Ксенофант) (430-356 до н.э.) древнегреческий писатель, историк и политик. Главное произведение «Анабасис».

они скорее затемняют её ничтожными мелочами. Собственно же история есть наблюдение за человеческой жизнью (зеркало), взгляд на неё, во всех обиталищах, ей подвластных. Если нечто свершается, то не для того, чтобы слишком доверять нынешнему благополучию, но чтобы постоянно образовываться к обновляющему осмыслению и заново воспринимать окружающее в целом, как об этом пишет Варрон в «Неизданных сатирах» «Значимые слова предков необходимы, чтобы в жизни была путеводная звезда.» Даже если мы стремимся к противоположному, тому, что созерцает наша душа, не надо отказываться от связи с выдающимися людьми. Здесь можно вспомнить о Дионе - история познаётся так, как пишется. Многие непонятности проявляются вначале на втором плане, нестыковки на время отводятся в сторону - и то, что пока ещё не узнано, может изменить окончательный итог на противоположный.

О том, что это не всегда очевидно, можно понять из жизнеописаний знаменитостей (историй славных жизней). Как прекрасно сформулировал Дионисий Галикарнасский, «история - это философия в примерах» – строгое учение, подбирающее примеры стойкой гражданской добродетели. Надо упомянуть несколько имён, понятных простым душам, как, например, у Агатия.¹⁶ Необходимо помнить: вовсе бесхитростные души ничего не могут извлечь из философских предпосылок. Но необходимо всё же представить общие философские предпосылки, которые были бы вняты всем. Истинность истории проявляется в единичном. Какая-либо истина проявляется как симптом, подобно проявлениям болезни, описанной Гиппократом. При обсуждении всеобщих мировых превращений практическая истина не присутствует. До тех пор, пока среди философского сообщества усердно обсуждаются общезначимые предпосылки, как в целом, так и применительно к собственно истории - можно долго спорить об их применимости и действенности в историческом плане. Что среди них первично и как таковое развивать далее.

Является ли истина главным, что осмысляется в истории, как наиболее простое и всеобщее, предшествующее любому проявлению и вбирает в себя любое временное измерение и все многочисленные препятствия, останавливающие его на пути к цели? Примером этому может служить Улисс Гомера, который действовал, несмотря на многочисленные препятствия, останавливающие других людей. Он считает: «Часто люди медлят и ходят по кругу» (Гомер. Одиссея).

Неравномерность и обособленность истин характерна для истории. Расположение отдельных ошибок в разных местах (как это прекрасно показал Полибий в кн. 1 и в дальнейшем выразилось в бедствиях правления Атилия¹⁷) говорят о следующем: «Чтобы правильно расположить вещи в целом, надо вначале рассматривать их издали, помимо всех ранее отмеченных частных и по отдельности составив некую наглядную таблицу. Таким образом, можно достичь первых результатов». Вторичные же истины бывают двух видов. Первый - идти по пути удовольствий и увеселений – и третьего здесь не дано. Иначе же можно видеть историю как отдельные предметы, чувственно воспринимаемые. Из них получается сумма вариаций, которая зачастую воспринимается с удивлением. При этом, несмотря на отдельные превратности, целое остаётся ими незатронутым и это, как пишет Лукреций в предисловии к кн. 2, обычно радует человека. «Приятно покорять морскую пучину // И на земле ещё есть над чем работать // не только испытывать радость наслаждений, // но и сполна расплачиваясь за всё дурное, что приходит вместе с притворными ласками».

16 Агатий (Учитель) (535 -594) константинопольский ритор и историк эпохи Юстиниана I.

17 Атилий Регул — римский консул в 267 и 256 гг. до н.э., участник Первой войны с Карфагеном.

То же самое действие выразительно описывает Цицерон в письме к Люцию¹⁸ (кн. 5, письмо 12 к родным): «Нет ничего, связанного с наслаждениями, что было бы постоянно и никогда не изменялось. Судьба может преподнести [нечто неожиданное]; и, если наши желания не осуществляются, мы обращаемся к сказаниям. От оплакивания печалей прошлого, нас не могут спасти сердечные наслаждения. От отдельных огорчений, об их причинах (помимо всеобщей печали) мы можем только догадываться. Смягчить это можно, не наслаждаясь нашим сожалением. Неужели все мы должны умереть вслед за Мантинием Эпаминоном, не испытывая благого сочувствия, или сообщение мы должны прерывать на каждом шагу расспросами, восхваляя провозглашённое? Или жаловаться, при любой потере? Низводя души до уровня глупости, будет ли неуместным обратиться и к бегству Фемистокла (ведь для анналов превыше всего — перечисление значимых событий)? Для умудрённого человека вдвойне приятно предугадывать восхищение, удовольствие, самое ожидание, временное отступление, досадные остановки из-за усталости, если только благородные решат открыть свою душу благородной радости, и приятному научению». Этот вопрос затрагивает и Плиний в письме к Капитонию (кн. 5, посл. 8): «Вблизи каждая отдельная история предстаёт вполне законченной. Речи и песни - при всей их привлекательности - в итоге не убеждают, но историческое описание как таковое само по себе приятно. В нем человеческая природа представляется в виде, пусть забавного, но все же поучительного [описания], поскольку оно предоставляет возможность наблюдать чистую природу вещей, которая в нём разворачивается по уже известной сюжетной линии».

Упоение, даваемое историей как таковой можно подтвердить, рассказав о славной жизни правителя Арагона и Сицилии Альфонса¹⁹: он, под сильным впечатлением от произведения Ливия весьма опечалился диагнозом врачей (Антон Панормиан²⁰. О деяниях короля Альфонса). Фердинанд²¹ в важные моменты своего правления увлечённо занимался чтением трудов Курция; Лоренцо Медичи²² исцелял себя без помощи врачей и при этом в одной из своих бесед для посвящённых ссылается на эпизод с императором [Священной Римской империи] Конрадом III²³, сумевшим склонить знатных дам к тому, чтобы они покинули город. Изощрённый замысел состоял в том, чтобы дамы убедили своих мужей добровольно последовать за ними. Что уж говорить о германских герцогских фамилиях: о Гвельфах²⁴ и герцогах Баварских, ненавидевших правящего императора настолько, что предпочитали отозвать своё обещание поддержать императора, чтобы, веселье не предшествовало оплакиванию. Договориться. кого они будут уничтожать и хладнокровно подтвердить это общим решением (при описании тяжёлых и тщетных стараний врачей, изложенных в «Жизни Александра» Курция²⁵. где движение римских легионов описано так живо. что сам рассказ о них приносит исцеление («Панормиан Антон Книга о деяниях Альфонса») Так у Авиценны, который является последователем Гиппократ в искусстве исцеления : Да будет восславлен Курций, мой избавитель».

Во вторую очередь для человека важно то, что предвещается в историческом

18 Луций Лициний Красс (140-81 до н.э.) - оратор и государственный деятель, консул в 95 и цензор в 92 гг.

19 Альфонс V (1396 - 1458) - король Арагона. Сицилии и Сардинии.

20 Антон Бартоло из Падермо — итальянский врач XVI в.

21 Фердинанд I (1423 - 1496) - правитель Неаполя.

22 Медичи Лоренцо (1449 - 1492) - правитель Флоренции.

23 Конрад III (1093-1152) - германский император.

24 Гвельфы — сторонники папы римского среди итальянских и немецких властителей.

25 Марк Курций Руф -древнеримский историк I в н.э.

знании. Этим отдают должное разным умозрениям – и как склонности и как любовь к самим плодам истории, и как довольствию от самого процесса представления содержания. Но есть два достоинства исторического знания, наследуемые с древних времён. Существуют некоторые забавные сочинения, большей частью незаконченные, которые представляют это знание в некоем комическом ключе, бывшим в ходу на весёлых собраниях и пирах. Так вольно пересказываются поэмы Гомера, приключения их воспроизводятся Александром Великим. У Ксенофонта же свод законов Кира превосхищают законы Сципиона Африканского, как будто первый передавал их в руки второму. Подобная линия событийного развертывания, заимствованная из мифологии, преподносится как образец совершенства, либо следования добродетели. И кто же усомнится после этого в том, что конечная истина истории содержится в легендах и таким образом побуждает и вдохновляет чуткие души? - не надо отчаиваться, если в итоге что-то возобладает. Она воспроизводится в отдельных повествованиях, когда там устраняется всё брэнное. Действительно, много говорилось о пользе истории. Из многих восхвалений отметим только книгу Иоганна Михаэля Брута²⁶ о Стефане (Батории)²⁷ - польском короле. Эту тему продолжает Полициан²⁸, она - в произведениях Светония, суждения об этом есть у Казабона²⁹. Последний использует термины, ранее найденные Полибием. Не отвергаются и аргументы, высказанные в сочинениях Андреаса Франкенбергера³⁰ в отношении институтов античности. Подобным образом рассуждает и Бериальдо Филиппо³¹, используя речи Ливия и Силлия, посвящённые Италии. О том же говорят Лео Вивес³² в т. 5 книги «О преподавании учения...»; Антонио Мурет³³, в речах которого пересказывается Тацит, Франческо Патрици в диалогах об истории («Исторические сочинения»), Жан Бодэн в предисловии к «Методу истории» - и несть им числа.

Какую истину можно извлечь из рассуждений о пользе истории, которые постоянно нам сопутствуют? Здесь правомерно учение, изложенное в сочинениях таких учёных мужей, как Бартоломей Кеккерман («Сочинения по истории»), которые полагают, что история важна для философии, поскольку содержит наилучшие примеры гражданственности, а не только старинные законы. Далее: более вероятно, что сами законы грамматики даже помимо отдельных риторических акцентов, которые там содержатся, создают для неё достаточные предпосылки. Это иногда выглядит забавно: то, что ранее представлялось причиной, теперь используется как аргумент. Я бы хотел предупредить, что всё обстоит иначе. Вовсе не абсурдно, что отдельные примеры приводятся один за другим, однако при этом язык в целом не может использоваться как общая предпосылка для умозаключения.

При этом указывают на большое количество ошибок. Неправильно либо выделять какое-либо историческое сообщение из истории, воплощённой письменно, мимо свидетельств которой ни один философски мыслящий гражданин не может пройти. Таким образом обосновывается стремление свести историческую предметность

26 Иоганн Михаэль Брут - силезский писатель XVI в.

27 Стефан (Баторий) (1533-1586) король Речи Посполитой с 1576 г.

28 Полициан - православный иерарх. живший Александрии (768 - 813).

29 Казабон Исаак де (1559 - 1614) — швейцарский филолог. работал также во Франции и Англии.

30 Франкенбергер Андреас (1536-1590) немецкий историк и оратор.

31 Бериальдо Филиппо (1453 - 1505) - итальянский поэт и гуманист Бериальдо Филиппо мл. (1472-1518) - итальянский филолог и библиотекарь.

32 Вивес Хуан Луис (1493- 1540) - испанский преподаватель и гуманист. Работал также в Нидерландах.

33 Мурет Марк Антоний-(1526-1585) - итальянский филолог.

к практической истории, которая сама себя воспроизводит в круговом прохождении и сама себя обосновывает. При этом на первый план выходит не действительно происходящее, но по фабуле – то, что можно осмыслить из рассказа. Это изучение - исходное условие для выделения пространства эпохи. Если выявить их настоящие основания, то это менее всего слитная (гомогенная) историческая истина, но её фабула, вероятная достоверность которой определяется предсказаниями, гаданиями, принятыми в древности. При этом не учитывают, что историю как, впрочем, и философию, невозможно понять, если не начинать с ее древности. Здесь совершенно прав Фабий³⁴ (кн. 2, гл. 6), когда он пишет: чтобы передавать тонкости поэтической мысли юношеству, начинать лучше с грамматики от которой отправляются все действия. То же у Страбона (кн. 1), Лукиана (*О гимназиях*, в «Атенеи»). Их правильнее отнести к ораторам, чем к историкам. У Ливия же с Саллюстием: отчётливо видно в диалоге, что важен не блеск речи в подражание Цицерону, но основательность исторических трудов. Они ограничиваются умеренной похвалой и нейтральным суждением не принимать ничего на веру. Вот в чём сила всеобщей истории для молодого поколения. Несомненно, что в истории надо быть осмотрительным, чем пренебрегает, например, Туллий, рассказывая о связи близких по времени эпох. Если придерживаться такого порядка, мы не потеряем всех ориентиров; молодёжь хорошо воспринимает краткое изложение событий, поскольку перед ней разворачивается общая картина всего произошедшего в мире, включая, прежде всего, священнодействия у греков и римлян, и другие важные подробности, без которых невозможно общее представление об истории. Потому нельзя не упомянуть выдающиеся жизнеописания: Кира, Александра Македонского, Мильтиада, Фоциона³⁵, Аристида, Сципиона, Катона, Помпея, Цезаря и других. Нет ничего абсурднее, чем прямо распространять узнанное в истории на философское познание. Совершенно не очевидно: что то, что придёт на ум при первом воспоминании, будет в дальнейшем расценено как справедливое. По этой причине надо специально изучать языки, поскольку одного гражданского знания недостаточно. Здесь пригодно сравнение латинских и греческих текстов – именно оно даёт возможность узнать основные исторические подробности. На мой взгляд, не помешает просто чтение наиболее интересных латинских авторов, сравнивая их с греческими – как то, Теренция, Туллия с их ровным, размеренным изложением. К ним можно прибавить Цезаря, Непота, Ливия, Веллия³⁶, Курция, Флора³⁷, Юстина, из греческих авторов – Геродота, Ксенофонта и других, которые вполне отвечают выдвинутым положениям. Отметим также: наследие минувших эпох постигается через собственно политику, а не через этику. При этом необходимо, как уже отмечалось, чтобы при становлении разума граждан было бы в первую очередь защищено то, что предпослано нам минувшими веками. Внутренняя же истина, по большей части недоступна душам и открывается в тех лекциях, которые ближе к вдохновенным проповедям – а собственно исторические обозначения, насколько возможно при всём их многообразии, повествуют о гражданских добродетелях и воспевают правителей, их жизненный путь. Но в итоге польза от истории, которую можно извлечь из их наблюдений, должна свидетельствовать о свершившемся в целом.

34 Фабий Квинт Максим (ум в 203 г до н.э.) - древнеримский консул и полководец.

35 Фоцион - один из афинских деятелей IV в до н.э., чья жизнь описана Плутархом.

36 Веллий Патеркул (20г. до н.э. 31 г. н.э.) - римский историк и государственный деятель.

37 Флор Люций Анний — римский историк II в н.э.

Глава шестая

Первоначально исторические сочинения выпускались как проза Упоминания о посланиях из Аркадии. Ошибка Помпония Лета³⁸. К которому Сатурна и Тритоны обращали свои уста и кого восхваляли. Большая часть римской истории, включая основание городов в Цизальпийской Галлии, недостоверна. Подобное же можно сказать о Троянской войне в целом в греческом изложении и вообще обо всё периоде, предшествовавшем Олимпиадам. Общее определение эпохи у Варрона. Но то, что Варрон представляет как баснословное и почерпнутое из мифических времён, у Плавта преподносится как сюжетное время и собственно история. Баснословное же переходит в периодически возвращающееся.

До сих пор, говоря о внутренних предпосылках истории, мы, как и сами историки, подразумевали её конечный результат: она имеет в основании причины, имевшие значение в прошлом, она баснословна и почерпнута из мифических времён. Эти аргументы противопоставлялись Эвдему и Александру в изложении Аверроэса («Книга о мировой субстанции, о её сферах») и Хервея³⁹, каковые не действуют, если ничего не вершится, и пребывает в неизменности (вопросы, кн. 1), а это означает, что если что-то действует в одном случае, то не обязательно действует в другом, и о завершённости не может быть речи. Нужно упоминать ограниченное число авторов или отдельных лиц. Относительно историки: не нужно говорить о едином искусстве, которое ей предпосылает тот или иной способ исторического описания. Так, Плиний, Туллий и другие (более того, Лукиан и другие) настаивают на том, что многообразие истории – неперенное признак её предметности и определённый порядок составления из близлежащих элементов вовсе не предписан нам нашими предшественниками. В истории же действительно издавна иной порядок: Относительно Клио говорится в книге Аполлония⁴⁰ (кн. 2, с. 197) «Клио - единственная муза, которая воспроизводит самоё себя». Об этом воспроизведении у Кадма Милетского Плиний пишет, (Плиний, кн. 7, гл. 56): относящееся к нему место у Ферецида с Сироса⁴¹ излагается прозой. В книге же 5, гл. 29 Кадм выступает сам, и его авторство подтверждено. Страбон в кн. 1 рассказывает о Гекате ;заимствовал дробный стихотворный размер у Кадма и Ферецида как предпочтительный язык высказывания, который также последовательно рассматривается в Свидасе⁴². У греков вообще многие стремятся к законченности привносимой звучанием флейты.

Как узнавал древнюю историю Моисей? Содержание истории непосредственно определяет Эвзебий⁴³ в Истинном Евангелии (кн. 11). «То, чего не было, египтяне, могли хвалить так же, как и греки, только они сопровождали его действием, как это звучит в речи Татьяния⁴⁴». «...История египтян каждый раз воспроизводится по-новому, и иное доказывает». Египтяне действительно учились у древних халдеев, как и ранние греки, тому, что тайная история свершилась уже тысячу лет назад, и потому основная истина содержится в лунном календаре, принятом в аркадийские времена. Как пишет Статий Папиний⁴⁵, тогда предпочитали лунный календарь. Они отрывали для посвящаемых большую залу, затем и вводили их для посвящения в следующую

38 Помпоний Лет (1428 - 1498) - итальянский гуманист и историк.

39 Хервей Раталис (1260 - 1323) - английский богослов-доминиканец.

40 Аполлоний Прегский (262 - 190 до н.э.) - древнегреческий математик.

41 Ферецил Сиросский - древнегреческий мыслитель VI в до н.э.

42 Сивилас - (Суда) «общее название византийской энциклопедии античной истории.

43 Эвзебий из Цезареи (260 - 339) - раннехристианский историк и полемист.

44 Татьяний (Фламиний Эвтомний (357-392) - политик времен поздней Римской империи.

45 Статий Папиний (40 - 96) - древнеримский поэт.

залу, наставляли, что никакие новшества не должны вноситься в старые праздники, которые искажали происхождение народа. Не помешает упомянуть здесь Цензория («О рождении богов», гл.19), относительно имён, даваемых в первую очередь в текущем году, которые должны были расставляться согласно греческому лунному календарю. Что же касается латинян, то в их истории наиболее восхваляем Сатурн. Киприоты причисляли его к действующим богам, внедрившим письменность о чём Пётр Калабер, который о самом Помпонии Лате отзывается не лестно. Безосновательно утверждает что на Кипре, где и письменность не была повсеместной, в век Сатурна было внедрено книгопечатание. Наше же суждение совпадает с [суждением] Макробия⁴⁶, который формулирует в книге о Сатурне в гл. 8: «Далеко не всегда Тритоны, до сих пор устремлявшие ввысь. к Сатурну свои горны, могут обстоятельно проследить наши дела прояснить ход данного времени как бы озвучить её; Ранние времена действительно превратны туманны и непостижимы, и Тритонам остаётся только погрузиться в воду и затаиться? И не поэтому ли век Сатурна в Италии сосчитывался медленно и неравномерно. Многие моменты его исторического освещения спорны.. При этом не было ясно, каково положение в эпоху семи царей в Риме. О неполноте представления этого времени никто не сказал лучше Ливия. В кн. 6 он пишет: «Что касается отношения Рима и соседних городов, то в первое правление его можно измерять именами консулов, диктаторов, децемвиров, трибунов: в их время проходили войны и подавлялись восстания внутри страны, что запечатлено в книгах. Превратная история была основательно забыта, память о ней простиралась от одного могущественного правителя к другому. В эти времена мы редко видим священные тексты, где воспоминания сохранялись бы последовательно и бережно; таковыми могут послужить лишь собственные воспоминания верховного жреца, позволяющие как то представить жизнь Города изнутри». Нет подобной связи и у греков времён Троянской войны, как рассказывает об этом Диодор Сицилийский, начавший собирать библиотеку о тех временах: «Эпизоды Троянской войны не различались один от другого, поскольку нет подтверждений, заслуживающих доверия, в какой последовательности там всё произошло». Напротив, о древних Олимпиадах, предшествовавших взятию Трои, обозначенных за 406 лет до Троянских войн, либо вовсе ничего не известно, либо недостоверно. Об этом сокрушается и Юстин Мученик: «Совершенно не известно, что говорят греческие авторы об Олимпийских играх тех лет. Нет ни непосредственных свидетельств, ни описаний, пришедших извне, - ни у греков, ни и у варваров, по которым можно было бы их сопоставить». Африканус⁴⁷ приводится Эвзепием в «Удобочитаемом Евангелии». Греки не предоставляют никакой возможности уразуметь что-либо определённое об Олимпиадах этих древних временах. То же у Цензория в «Критике законов» (гл 22): Варрон различает три эпохи. «Первая - основополагающая для человечества, когда происходили фундаментальные перевороты, воспоминаний о которых не сохранилось Вторая - времена, непосредственно предшествовавшие началу Олимпиад, они породили множество самых разных рассказов и мифов. Третья начинается с первой Олимпиады, когда происходит та история, которую описываем мы. Вторая же эпоха есть мифическая история, которая представляет собой сокровище, откуда поэты черпают содержание своих песен». Неудивительно, что комедиограф Плавт, повествуя о мифологических временах, обращается к историческим источникам, а именно в комедии «Вакх» (действие 1, сцена 2). Первоначальная история этих событий изложена у

46 Макробий Амфросий Феодосий (V в. н.э.) - древнеримский писатель. философ-неоплатоник и теоретик музыки.

47 Скорее всего. это Публий Корнелий Сципион Африканский (185 - 129 до н.э.) - видный древнеримский государственный деятель и полководец.

Ономакрития⁴⁸, Леокса⁴⁹, Арктиний⁵⁰, Евмелия⁵¹ и других. И все эти прекрасные истории собраны в «Циклах истории», во вдохновенных примечаниях к Атенеуму⁵² (кн. 8, гл. 3) достославного Казабона, который отредактировал их и свел воедино. И не только там - этот эпический круговорот представлен достаточно широко. Как следует из чтения библиотеки Фотия и Прокла, первая эпоха, предшествовавшая многообразному зарождению и ведомая непосредственно Господом, изначально включала человека и катаклизмы происходившие тогда. Относились они к «тёмным временам». Тогда люди освобождались от титанов, им на смену приходили герои, потому эта эпоха названа героической. Прекрасный пример творений того времени - приключения Улисса, но их причисление к историческим временам вовсе не очевидно.

Ars historica sive de historiae et historices natura historiaeque scribende praeceptis commentatio

Gerardi Johannis Vossii

Abstract: The proposed text is a continuation of the translation of the book of the Dutch theologian, historian and philologist G.J. Fossius "Art of the Historians", begun in No. 23 and No. 24 of "Vox" In the fifth chapter, Fossius moves from a story about the main reasons that create a story to a description of its design. He reports on what circumstances can attest to the marked course of events. The role of philosophical generalizations in this design is revealed. Examples of the use of people's faith in the historical sequence for the implementation of certain plans are given. The sixth chapter deals with the separation of historical time from mythological. Clio takes over from the history of the way of mutual confirmation of the elements that make it up. In turn, the historical approach can serve as a way of recalling half-forgotten events, their possible identification, as Herodotus wrote about this (see Chapter 5).

Key words: universal and separate, common causes, the reasons and prerequisites, historical subject.

48 Ономакритий (530 - 480 до н.э.) - древнегреческий религиозный деятель и прорицатель. живший при дворе тирана Писистрата.

49 Леокс (VI в до н.э.) - древнегреческий эпический поэт.

50 Арктиний Милетский (775-741 до н.э.) - древнегреческий эпический поэт.

51 Евмелий (VIII в до н.э.) - древнегреческий эпический поэт.

52 Атенеум — в данном случае пространство обсуждения основных вопросов исторического знания, созданное Фоссием совместно с его ближайшими корреспондентами. Институционально он пытался создать его в Амстердаме в последующие годы жизни.